

Владимир ЕРМОЛАЕВ

Владимир Ермолаев родился в 1950 году в Иванове. Окончил Ивановское музыкальное училище и философский факультет МГУ. Стихи начал писать в 2006 году. Публиковался в журналах «Даугава», «Арион», «Воздух», «Дети Ра» и др. Выступает также как переводчик (Дж. Унгаретти, Т. С. Элиота, Э. Хемингуэя, Ч. Буковски и др.). С 1985 года живет в Риге.

ЯСНЫЙ ДЕНЬ

Знаки

октябрьской ночью
в ярком свете ламп

блестят
ионические колонны

отшлифованы так гладко
будто покрыты лаком

воздвигнуты в честь юбилея
мудрого решения

принятого шестнадцать
сотен лет назад

а годом ранее
ошибся узурпатор

и в бежевых столбах
отражена судьба

поверившего
ложным знакам

лгут предсказатели

на вражеских щитах
знак верный

и меч лишает тело
головы

враг издает эдикт

и мраморные леденцы
встают

в тени платанов

поверхность мрамора
блестит как лак рояля

но пьеса сыграна

ночь тишина

и надпись
с именем врага

свободно тянется
по архитраву

Двое

в берете
с черной бородой
и в черном одеянии

решительный
как полководец

гуманный
кондотьер литературы

другой
почти анфас

без бороды

уложенный
в постель
загадочной
болезнью

оставить все же
он успел
после себя труды
и письма

стихи
на диалекте и латыни

и взгляд серьезный
и налитую жилу на виске

La ville entière

город под ясным небом

прочен

не оплетут его побеги
и корни вреда не причинят

кусты трава
перебрались наверх

и превратились в пинии
прирученную зелень

задумчивый понтифик
бредет по залам

в поисках зеркал

и ни в одном
не видит отражения

Номер пятнадцатый

добрые императоры
носят бороды

императоры добрые
стынут в мраморных залах

четвертый из них
скорбно сдвинул брови

как будто плачет

бюст не похожий
на другие его портреты

где он изображен
спокойным и важным

как и подобает
римскому императору

пронумерован
двумя красными
цифрами

линии
складываются
в число
пятнадцать

слева

четырнадцатый
молодой
безбородый

глаза навывкате
пухлые губы

сын гладиатора
плод измены

справа шестнадцатый
неизвестный

голова доброго
крупнее соседних

брови сдвинуты
лоб нахмурен

но глаза широко раскрыты

в этом виде Антонин Пий
(сектор три
инвентарный номер тысяча
двести тридцать шесть)
может сойти за
плачущего Гераклита

Damnatio memoriae

ни цветка ни мошки
ни пылинки

ни шороха одежды
ни шороха подошв

все неподвижно
тихо

в зале Кьярамонти

лишь на гладком
камне шрамы

рубцы на шеях
тонкой нитью

не от гарроты
и не от меча

хирурги

мраморного века
используют
обычный молоток

закольник шпунт
и скаarpель

этого хватает

так происходит
удаление головы

и памяти
что в ней живет

со всеми
ответвлениями
корнями

а поскольку тело
жить без головы
не может

на место скола
помещают
голову другую

и радуются
если края сошлись

пьют за успех

и поздравляют
всех кто принимал

хоть малое участие
в этом деле

Ясный день

исчезают стены

колонны не годятся
для построек

столбы
вот все что остается

фундамент под землей
переживет алтарь

нагрелись камни

и ящерицы
прячутся в тени

и пинии бредут на водопой

день выкупил
безоблачное небо
у погоды

Игра в мяч

две безголовые
и легкий бег

по виду легкий
одна
несет другую

закрой глаза
которых
нет

и слушайся
наездницу

что приведет тебя туда
где бронзовая голова
спокойно смотрит
на коня

прекраснее которого
в природе не найти

та голова
уверенная
молодая

с припухшей
верхнею губой

нетронутая птицами
склевавшими ладонь

и львом
вонзившим зубы
в лошадь

Саркофаг

граненым кристаллом
опалом
аквамарином

высится
светится
саркофаг

охрусталенный
полностью
сверху донизу

поставленный на торец
в полный рост

административный
хайтек-погост

приманка для пилота
в контактных линзах

Бронзовый всадник

укрывшись в галерее
на главной площади

за чашкой кофе
вглядываться в бронзу

изображающую
всадника и лошадь

что не чета
другой усталой

но живой
той с кем ты встретишься

чуть позже
у своей берлоги

вмиг оседлаешь
и помчишься вдаль

к молчанию
во мрак

в темнейшую из ночей

куда и дерзкий
Филиберт не знал
дороги

Большая лошадь

круп лошади
cavallo
в виде расколотого овала

спина холка шея
раскроены разворочены

лошадь осела
на задние ноги

передние вытянуты
грудь поднята

голова повернута
будто в испуге

ось тела
продолженная
пройдя над озером
коснется селения Парадизо
и горы Сан-Сальваторе

вдоль узкой линии парка
по набережной
мимо здания банка
похожего на шестеренки
выступающие из-под
полированной оболочки
сфер Помодоро
оглушая сиреной
несется машина скорой

Туман

где-то возле Гамбурга
высятся горы

туман с моря часто
заволакивает их подножья

бывает он поднимается
так высоко
что оставляет на виду
лишь считанные вершины

их может увидеть странник
если окажется на одной из них

он стоит на краю обрыва
выставив левую ногу
опираясь правой рукой на трость

его взгляд устремлен
поверх тумана
к синеющей на горизонте горе

в это время где-то возле Милана
по широкой равнине
бредет огромное стадо овец

равнина в голубой дымке
над горизонтом занимается
бледный рассвет

два пастыря затерялись
среди овец

Хмурый день

на террасе *Маринеллы*
одинокий посетитель

море справа
море слева

небо в тучах
буря близко

камни влажные блестят

капитаном
быть неплохо

одиноким
морским волком

видеть днем
и в снах под утро

пену волн
вместо ягнят

Последняя попытка

так гладок
что скользит бессильно

рельеф лица
едва намечен

рука висит отдельно

сквозит сквозь окна
бледный свет полудня

конец всех дел
трудов

любви раскаяния
и жажды примирения

последний взгляд
последний скол

последняя попытка
оправдаться

шесть
долгих
дней

а дальше праздность

После Праксителя

являя скрытое
ты славись суть

поверхность ложь

снимая слой за слоем
обнажишь костяк

на полпути
застынешь Цицероном

свободно перебросив
собственную кожу
через плечо

представив мускулы
и сухожилия

на обозрение
служителям туристам

но утаив страницы тома
опертого на левое бедро

название мышцы
уточнит Везалий
vastus lateralis

о любопытство
разум

спустя века
мы знаем больше
чем Пракситель

Промях

плоть уязвима
пока не стала бронзой

тогда ей нипочем
и плети и дожди

и постамент не нужен

сама себе
и щит и панцырь

спеша обнять
отлитую из бронзы
лошадь

он выбежал под дождь
раскинув руки

и промахнулся
обняв живую плоть

Волны

волны у побережья
Сан-Теренцо
бегут меняя цвет
рождая пену
крошась о камень
самоубийцы
невозвращенцы

Окно

зеленая стена
окно в стене

лазурь воды
охряные дома

причаленные
яхты корабли

в зеленой раме

окно
не дверь

хотя за ним обрыв
как в том рассказе

в стене из зелени
просвет
и райский вид

соблазн
для пилигрима

не уступай ему

путь долог
к маяку

по узкой
и крутой
тропе

лишь взгляд
и мимо

Бессвязное

собор черно-белый
помесь
зебры с жирафом

весь день пасмурно

в чашку макъято
падают капли
дождя

якорь на берегу
чугунный кальмар

на площади странник
чьи пожитки
умещаются в сумке

вместо легких
у него пустота

сквозь которую
видны струи фонтана

концерт начинается
через полчаса

слышно
как разыгрываются
музыканты

Мир Пифагора

эта гладкость
полупрозрачность
зеркальность
прочнее мрамора

время не оставляет
царапины

неуязвимый
нетающий лед

существование
не течет

громоздится
кристаллами

В роще

небо ясное
день ярок

у подножия горы
белеют дома Парадизо

в пальмовой роще
сумрачно и прохладно

отсюда удобно
смотреть на горы и озеро

стволы и листья
соединяются в красивую
рамку

здесь тихо
прохладно

здесь тебя никто
не найдет

даже главный
смотритель парка